

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'366.587

Марек Лазинский

Варшавский университет,
Краковское предместье 26/28, 00-927 Варшава, Польша
M.Lazinski@uw.edu.pl

ВИД ГЛАГОЛА В РУССКИХ И ПОЛЬСКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

В статье на материале юридических текстов (а также пословиц) на польском и русском языках рассматривается семантика и функционирование глаголов совершенного и несовершенного вида. Установлено, что по сравнению с польским (но в польском чаще, чем в чешском) в русском языке многократные действия гораздо чаще обозначаются глаголом несовершенного вида, что принято объяснять прототипической семантикой целостности западнославянского совершенного вида и временной определенности восточнославянского совершенного вида. Однако сравнение текстов законов, равно как и пословиц, выявило, что в русском языке употребляется совершенный вид в наглядно-примерном или кратно-парном значении, а в польском языке законы формулируются с использованием форм несовершенного вида (если по-русски вместо личной формы использовано отглагольное имя, совершенный вид выражен формой зависимого причастия). Указанные различия побуждают к повторному внимательному анализу традиционной точки зрения на прототипические черты семантики вида в восточной, западной и промежуточной зонах славянского ареала. Библиогр. 8 назв. Табл. 1.

Ключевые слова: вид глагола, русский язык, польский язык, юридические тексты, многократные действия, целостность, временная определенность.

Marek Łaziński

University of Warsaw
Krakowskie Przedmieście 26/28, 00-927 Warsaw, Poland
M.Lazinski@uw.edu.pl

VERBAL ASPECT IN RUSSIAN AND POLISH LEGAL TEXTS

The fact that habitual actions are much more often expressed by imperfective verbs in Russian than in Polish and in Polish much often than in Czech is usually explained by invoking temporal definiteness as the semantic prototype of the perfective aspect in the East-Slavic zone and totality as the semantic prototype of the perfective in the West Slavic zone. However, Polish legal texts and codices as well as proverbs are much often formed with imperfective verbs, whereas Russian codices and proverbs use perfective verbs in habitual-pair construction or exemplifying meaning (when Russian uses a verbal noun instead of personal verb forms the perfective aspect is expressed in a dependent participle form). These differences in the use of aspect require a re-analysis of prototype semantic features of the aspect in the West-Slavic, East-Slavic and transitional zones of the Slavic languages. Refs 8. Table 1.

Keywords: verbal aspect, Russian, Polish, legal texts, habitual actions, totality, temporal definiteness.

1. Введение

Объектом представляемого исследования является интерпретация глагольного вида в юридических текстах. В ходе исследования я опираюсь на соображения, связанные с аспектологией, а не с юриспруденцией; материалом исследования послужили юридические тексты, поскольку именно они дают возможность адресату (читателю) интерпретировать видовую принадлежность глагола как информацию о событийной или несобытийной сущности рассматриваемой ситуации¹. В текстах данного жанра краеугольным камнем оказывается интерпретация глагола несовершенного вида (НСВ) как обозначающего многократно-экзистенциальное событие или предельную попытку. Польские кодексы без ограничений допускают такую интерпретацию несовершенного вида:

- (1) *Kto zabija człowieka ze szczególnym okrucieństwem <...> podlega karze pozbawienia wolności na czas nie krótszy od lat 12 <...>* (ст. 148²)³.

В российском Уголовном кодексе факт совершения преступления выражается формой причастия совершенного вида в сочетании с отглагольным именем, которое собственно и называет это преступление:

- (2) *Убийство <...> совершенное с особой жестокостью <...> наказывается лишением свободы на срок от восьми до двадцати <...>* (Уголовный кодекс Российской Федерации 1996, ст. 105).

В официальном русском переводе польского кодекса польская глагольная форма НСВ заменяется на расчлененный предикат, состоящий из отглагольного имени и личной формы причастия совершенного вида:

- (3) *Лицо, совершившее убийство человека с особой жестокостью <...> подлежит наказанию лишением свободы на срок не менее 12 лет <...>* (Федеральный правовой портал: <http://www.law.edu.ru/>, доступ 2010, дальше: ФПП)⁴.

Современная формулировка Уголовного кодекса отказывается от отглагольного существительного как подлежащего в предложении, но еще в уголовном кодексе Николая Таганцева 1903 г. подлежащее указывало на лицо — то есть на виновного.

- (4) *Виновный в убийстве наказывается каторгой на срок не ниже восьми лет* (ст. 453).

Так, отглагольное имя *убийство* позволяет дать однозначную интерпретацию видовой семантики, если оно дополнено причастием совершенного вида:

- (5) *Виновный в убийстве, учиненном при превышении пределов необходимой обороны, наказывается <...>* (ст. 459).

---

¹ Я использовал юридический анализ употребления вида в польском уголовном кодексе: [Jóźwiak].

² Здесь и далее используется текст Ustawa z dnia 6 czerwca 1997 r. Kodeks karny.

³ Перевод цитаты дается в примере 3.

⁴ Надо добавить, что перевод на сайте с тех пор изменился. Вместо «лицо, совершившее убийство» сегодня действует буквальный перевод с польского языка: «кто убивает». Однако в настоящем анализе мы используем перевод 2010 г., который включен в польско-русский параллельный корпус Варшавского университета (<http://pol-ros.polon.uw.edu.pl/>).

2. Специфика формулировки законов в разных юридических традициях

Выявленное соотношение польского несовершеннового вида и русского совершенного, конечно, не абсолютно, поскольку можно найти статьи, сформулированные с использованием форм как совершенного, так и несовершеннового вида на обоих языках. Но в той части кодекса, которая перечисляет единичные преступления, различия налицо. Модель условного придаточного (как в примерах 6 и 7) в польском языке традиционна:

- (6) «Кто делает X, подлежит наказанию Y».
- (7) «Кто делает X, совершает преступление Z. Преступление подлежит наказанию Y».

Так был написан в начале XIX в. Уголовный кодекс Царства Польского (Kodeks karzący Królestwa Polskiego 1818):

- (8) *Kto w zamiarze odjęcia życia człowiekowi dopuszcza się czynu z którego śmierć koniecznie następuje, ten zbrodnię morderstwa popełnia* (ст. 113)⁵.

Истоки данной модели формулирования закона можно найти уже в Ветхом и Новом Заветах. Здесь возможны следующие варианты:

- несовершенновый вид в обоих переводах:

- (9) *A ja wam powiadam: Każdy, kto oddała swoją żonę — poza wypadkiem nierzędu — naraża ją na cudzołóstwo; a kto by oddaloną wziął za żonę, dopuszcza się cudzołóstwa* (Матвей 5:32).
- (10) *A я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует;*

- польский несовершенновый вид и русский совершенный:

- (11) *Powiedział im: Kto oddała żonę swoją, a bierze inną, popełnia cudzołóstwo względem niej* (Марк 10:11).
- (12) *Он сказал им: кто разведется с женою своею и женится на другой, тот прелюбодействует от нее;*

- совершенный вид в обоих языках:

- (13) *Lecz jeśli cię kto uderzy w prawy policzek, nadstaw mu i drugi!* (Матвей 5:39).
- (14) *Ударившему тебя по щеке подставь и другую.*

Уголовный кодекс Республики Польши 1934 г. (который, несмотря на политические обстоятельства, по стилю и содержанию лёг в основу всех последующих) был создан Александром Макаревичем, юристом из бывшей австрийской части Польши, получившим образование в университетах Австрии и Германии. Стоит вспомнить, что уголовный кодекс Австро-Венгерской империи 1852 г. был пере-

---

⁵ Кто в намерении отнять у человека жизнь допускает поступок, которого неизбежным следствием является смерть, тот совершает преступление убийства. (Здесь и в дальнейшем, если иное не оговорено, примеры из источников на польском языке приводятся в моем переводе и сохраняют параметры видовых глагольных форм в тексте оригинала. — М. Л.)

ведён таким образом, что в польском тексте, как правило, встречались формы несовершенного вида, тогда как в чешском переводе — формы совершенного вида.

- (15) *Wer um seines Vortheiles willen eine fremde bewegliche Sache aus eines Anderen Besitz, ohne dessen Einwilligung entzieht, begeht einen Diebstahl* (ст. 171).
- (16) *Kdo pro svůj užitek cizí movitou věc z držení někoho jiného bez jeho přivolení odejme, dopustí se krádeže.*
- (17) *Kto dla swojej korzyści zabiera cudzą ruchomość z posiadania drugiego bez tegoż zezwolenia, popełnia kradzież.*⁶

Кодекс Германской Империи 1871 г. (Strafgesetzbuch), который действовал в западной Польше до издания кодекса Макаревича, был издан по-польски в 1925 г. — и опять же с преимущественным употреблением глаголов несовершенного вида:

- (18) *Wer vorsätzlich einen Menschen tödtet, wird, wenn er die Tödtung mit Überlegung ausgeführt hat, wegen Mordes mit dem Tode bestraft* (ст. 211)⁷.
- (19) *Kto umyślnie zabija człowieka, ten jeśli zabicie wykonał z zastanowieniem, ulega za morderstwo karze śmierci.*

В чешских Кодексах, согласно традиции перевода Австро-Венгерского закона, и по сей день преобладает совершенный вид:

- (20) *Kdo jiného úmyslně usmrtí, bude potrestán odnětím svobody na deset až patnáct let. (Zákon ze dne 8. ledna 2009 trestní zákoník, ст. 219)*⁸.

То, что многократные события обозначены совершенным видом также в чешском Уголовном кодексе, не вызывает удивления, так как по-чешски глаголы совершенного вида часто имеют значение повторения действия. Согласно теории Дики [Dickey], чешский и в целом западнославянский совершенный вид выражает целостность (totality) и часто сохраняется в многократном значении. Глагольные формы совершенного вида преобладают и в хорватском кодексе:

- (21) *Tko ... ubije drugu osobu... kaznit će se kaznom zatvora...* (Kazneni zakon 2012, ст. 90)⁹.

Русский совершенный вид выражает прежде всего временную определенность действия [Dickey], а многократные ситуации как неопределенные обозначены, как правило, несовершенным видом. Поведение вида в многократном экзистенциальном употреблении в русских юридических текстах как будто бы противоречит теории различия между системами глагольного вида в западных и восточных славянских языках.

Польский язык, который занимает промежуточное положение между западно- и восточнославянской видовыми зонами, допускает употребление совершенного вида как многократного чаще, нежели русский, однако реже, чем чешский. Почему

⁶ Кто в свою пользу отнимает чужую собственность из владения другого лица без разрешения этого лица, совершает воровство.

⁷ Кто умышленно убивает человека, если он совершил убийство с умыслом, тот будет за убийство (нем. *Mord*) наказан смертью.

⁸ Кто другое лицо с намерением убьет, будет наказан лишением свободы с десяти до пятнадцати лет.

⁹ Кто (...) убьет другое лицо (...) будет наказан лишением свободы...

же в уголовных кодексах пропорции противоположны? Причиной нетипичного употребления совершенного многократного вида в русских юридических текстах является стремление к однозначности, которое имеет целью исключить предельную интерпретацию несовершенного вида.

В польской традиции такой опасности нет. Толкование права в Польше предписывает событийную интерпретацию глагола несовершенного вида 3-го лица настоящего времени. Совершает преступление и подлежит наказанию тот, кто действительно убил или украл — хотя в кодексе написано: убивает или крадет. Польские законы избегают употребления глагола в 3-м лице совершенного вида презенса, который в северославянских языках прежде всего ассоциируется со значением будущего. Опасение интерпретации как будущего времени в польском сильнее, чем опасение перепутать однократное и многократное значения.

3. Семантика вида в западно- и восточнославянском ареалах и частные значения вида в законах и пословицах

Семантику вида в кодексах надо анализировать на фоне обиходного языка, в частности, пословиц. Пословицы по форме похожи на законы кодекса, они тоже описывают правила функционирования мира. Даже в обиходном польском языке предложения типа (22) встречаются в 15 раз чаще, чем (23):

- (22) *Kto* [глагол несов. наст. 3 лица, ед. числа] *ten* [глагол несов. наст. 3 лица, ед. числа] (в Национальном корпусе польского языка (НКJP, <http://nkjp.pl/>) 320 вхождений);
- (23) *Kto* [глагол сов. буд. 3 лица, ед. числа], *ten* [глагол сов. буд. 3 лица, ед. числа] (в НКJP 24 вхождения)¹⁰.

В Национальном корпусе русского языка (НКРЯ, <http://ruscorpora.ru/>) предложения типа (24) фиксируются только в 3 раза чаще, чем (25):

- (24) *Кто* [глагол несов. наст. 3 лица, ед. числа], *тот* [глагол несов. наст. 3 лица, ед. числа] (в НКРЯ 238 вхождений);
- (25) *Кто* [глагол сов. буд. 3 лица, ед. числа], *тот* [глагол сов. буд. 3 лица, ед. числа] (в НКРЯ 85 вхождений).

Предложения, описываемые моделью (22), в польском языке особенно типичны для пословиц:

- (26) *Kto pod kim dołki kopie ten sam w nie wpada*.¹¹
- (27) *Kto sieje wiatr, zbiera burzę*.¹²

Во многих пословицах (примеры 26, 27) в главных предложениях присутствует глагол совершенного вида.

¹⁰ Точный запрос в НКJP для глагола несов. вида: [orth="Kto|kto"] [pos=fin & number=sg & aspect=imperf] []{,3} [orth=ten] [pos=fin & number=sg & aspect=imperf]. Расстояние между глаголом в придаточном предложении и местоимением *тот* в главном предложении в обоих языках 3.

¹¹ Букв.: Кто под кем яму роет, тот сам в нее попадает.

¹² Букв.: Кто сеет вихрь, жнет бурю.

(28) *Не рой другому яму — сам в неё попадёшь.*

(29) *Сеющий ветер пожнет бурю.*

Формы совершенного вида в данном случае (28, 29) выражают наглядно-примерное значение [Бондарко, 1971, с. 22; Бондарко, 1996, с. 114–115], типичное для русских, но не польских пословиц. Несовершенный вид первой глагольной формы определяется формой императива с отрицанием и причастием настоящего времени. Если эти предложения преобразовать в изъявительное наклонение, можно употребить как совершенный, так и несовершенный вид: *кто сеет/посеет, пожнет*. Такая последовательность двух действий, первое из которых имплицитно второе, соответствует кратно-парной конструкции по классификации А. В. Бондарко [Бондарко, 1971, с. 201].

Наглядно-примерные и кратно-парные конструкции в совершенном виде встречаются в польском языке значительно реже, чем в русском. Они обозначают конкретную ситуацию как вероятную (ожидаемую или неожиданную):

(30) *Kto widział i wskaże <...> ten dostanie dukata* (Sapkowski. Narrenturm)

(31) *Кто видел и укажет, <...> получит дука́т* (Сапковский. «Башня шутов»).

Ди́ки [Dickey] допускает совершенный вид при повторительном употреблении в русском языке только в кратно-парном или кратно-цепном контексте придаточного предложения [Бондарко, 1971, с. 198–210]. Польский, сербский и хорватский языки в теории Ди́ки — промежуточные между восточной и западной видовыми зонами, причем польский еще ближе восточной модели глагольного вида, чем южнославянские языки.

The Pol pv present is acceptable in habitual-correlative contexts just as in the eastern group. In some contexts and/or for some speakers the pv present can be acceptable in simple main clauses as well unlike the eastern group [Dickey, p. 68];

...the network of the pv in Pol and SC has a radial structure. In Polish, the central prototype of the pf is temporal definiteness, but there is an associated component of totality [Dickey, p. 70].

Это утверждение не представляется верным по отношению к кратному употреблению совершенного вида. Польский язык допускает его в коррелятивных кратно-парных конструкциях даже в меньшей степени, чем русский. Частота совершенного вида оказывается не прямо пропорциональна прототипической целостности в его семантике. Целостность события хорошо сохраняется и в многократном значении несовершенного вида, который обычно используется в кратных конструкциях, если они обозначают какие-нибудь закономерности, правила или законы жизни. Именно это и является главной причиной того, что в польских кодексах, равно как и в пословицах, отдается предпочтение глаголам несовершенного вида.

Есть другие причины: это вторичные признаки совершенного вида. Польские глаголы совершенного вида, так же, как и словацкие, в кратном контексте часто обозначают неожиданное или даже нежелательное действие:

(32) *Zawsze się spóźnię na ten autobus* [Петрухина, с. 72].

Несмотря на то что совершенный вид, конечно, не всегда несет скрытую оценку нежелательности, юридический текст должен избегать не только скрытых оценок, но и ассоциаций.

4. Предельные и непредельные глаголы

Большая часть глаголов, приведенных выше в примерах из кодексов, принадлежит типу *achievement* и образует оппозиции типа несовершенные/многократные. Есть в кодексах и небольшое количество глаголов *accomplishment* (оппозиции типа *ловить/поймать*), с которыми юристам не просто справиться. Законодатели не лингвисты и не вполне осознают разницу между глаголами события и попытки. В русском переводе польского законоположения о подстрекательстве, в частности, остался несовершенный вид:

- (33) *Odpowiada za podżeganie, kto chcąc, aby inna osoba dokonała czynu zabronionego, nakłania ją do tego* (ст. 18)
- (34) ...ответственности за подстрекательство подлежит лицо, которое, желая, чтобы запрещенное деяние совершило другое лицо, склоняет его к этому (ФПП).

Здесь возможна и буквальная интерпретация: подлежит наказанию тот, кто склонял, но не склонил. В российском Уголовном кодексе действия подстрекателя определяются при помощи глагольной формы совершенного вида.

- (35) *Подстрекателем признается лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления* (Уголовный кодекс Российской Федерации 1996, ст. 33.2).

В чешском тексте здесь также использован совершенный вид:

- (36) *Účastníkem na dokonáném trestném činu nebo jeho pokusu je, kdo úmyslně (...) vzbudil v jiném rozhodnutí spáchat trestný čin* (Zákon ze dne 8. ledna 2009 Trestní trestní zákoník 2009, ст. 24.1).

Определения подстрекательства с глаголом совершенного вида однозначны, хотя мы не всегда знаем, что в точности значит «X склонил Y-а сделать Z». Как минимум, это воздействие на волю Y-а, которому даже не нужно делать Z, чтобы X стал подстрекателем. В польской интерпретации закона подстрекателем теоретически является и тот, кто лишь пытается склонить Y-а сделать Z. Юристы уже спорят об этом и, в частности, приходят к заключению, что если форма 3-го лица несовершенного вида для формулировки закона является типичной, то она всегда обозначает многократность действия, выражающегося глаголом совершенного вида.

- (37) *Окружной суд выдвинул предположение, что слово nakłania 'склоняет/уговаривает', использованное в статье 18 параграф 2, несет в себе указание на обязательные последствия в виде возбуждения у подстрекаемого намерения совершить запрещенное законом деяние, несмотря на то, что в тексте закона используется глагол несовершенного вида. Эта глагольная форма используется в кодексе и в других формулировках и не вызывает сомнения в том,*

что эти предписания касаются последствий преступления¹³ (Постановление Верховного суда, 21.10.2013, LexPolonica 363960).

Прежде чем говорить о том, есть ли в Кодексе другие глаголы, которые могут вызывать сомнения юристов, надо посчитать все глаголы совершенного и несовершенного вида¹⁴. Их количественное соотношение подтверждает наши предположения: в польском языке законы формулируются, прежде всего, с помощью глагольных форм несовершенного вида. В польском Уголовном кодексе 1277 вхождений личных форм 206 разных глаголов несовершенного вида (за исключением глагола *być*) и только 151 вхождение 59 разных глаголов совершенного вида. Количественный состав конкретных видо-временных форм дается в таблице 1.

Таблица 1. Глаголы совершенного и несовершенного вида в польском Уголовном кодексе

Вид	Несов.				Сов.			
	Наст.		Прош.		Буд.		Прош.	
Время	Наст.		Прош.		Буд.		Прош.	
Лексемы/вхождения	Л	В	Л	В	Л	В	Л	В
Количество	194	1223	26	54	10	16	52	135

В особенной части Кодекса (которая перечисляет преступления и наказания) глаголы совершенного вида обозначают не сами преступления, а обычно аннулирование результата преступления как условие избежания наказания. В качестве примера приведем ст. 258 и ст. 259 Кодекса:

- (38) *Kto bierze udział w zorganizowanej grupie albo związku mającym na celu popełnianie przestępstw, w tym i przestępstw skarbowych, podlega karze pozbawienia wolności do lat 3* (ст. 258).
- (39) *Лицо, принимающее участие в организованной группе или сообществе, целью которого является совершение преступлений, подлежит наказанию лишением свободы на срок до 3 лет* (ФПП).
- (40) *Nie podlega karze za przestępstwo określone w art. 258, kto dobrowolnie odstąpił od udziału w grupie albo związku i ujawnił przed organem powołanym do ścigania przestępstw wszystkie istotne okoliczności popełnionego czynu lub zapobiegł popełnieniu zamierzonego przestępstwa, w tym i przestępstwa skarbowego* (ст. 259).
- (41) *Не подлежит наказанию за преступление, указанное в ст. 258, лицо, добровольно отказавшееся от участия в группе или сообществе и раскрывшее органу, занимающемуся расследованием преступлений, все существенные обстоятельства совершенного преступления или предотвратившее совершение планируемого преступления* (ФПП).

¹³ Sąd Okręgowy wysuwa sugestię, że słowo „nakłania” użyte w art. 18 § 2 kk należy rozumieć jako zawierające wymóg wywołania skutku, w postaci wzbudzenia u podżeganego zamiaru popełnienia czynu zabronionego, mimo że przepis posługuje się czasownikową formą niedokonaną. Formą taką posługuje się przecież kodeks również w innych przepisach, a mimo to nie budzi wątpliwości, że przepisy te dotyczą przestępstw skutkowych (цит. по: [Józwiak]).

¹⁴ Это возможно в Польско-русском корпусе Варшавского университета (<http://pol-ros.polon.uw.edu.pl/> [Лазинский, Куратчик]), в состав которого входят польский Уголовный кодекс и его перевод из ФПП 2010 г.

Глаголы несовершенного вида, которые называют преступления в особенной части Кодекса, — это обычно предикаты *achievement* в кратно-парных предложениях. Но, кроме *nakłaniać*, есть еще несколько глаголов, которые в подходящих контекстах способны обозначать предельные предикаты, напр.: *gromadzić* ‘накапливать’, *podrabiać* ‘подделывать’, *przerabiać*, *przetwarzać* ‘перерабатывать’, *przewozić* ‘перевозить’, *rozpowszechniać* ‘распространять’, *zbierać* ‘собирать’.

Они, в отличие от *nakłaniać*, не вызывают сомнений юристов насчет акциональной характеристики действия.

Параметрические предикаты постепенного увеличения совокупности: *gromadzić* ‘накапливать’, *rozpowszechniać* ‘распространять’ — даже в форме несовершенного вида обозначают достижение промежуточного предела (кто накапливает, тот что-то уже накопил).

(42) *Kto, bez wymaganego zezwolenia lub wbrew jego warunkom, wyrabia, przetwarza, gromadzi, posiada, posługuje się lub handluje substancją lub przyrządem wybuchowym...* (ст. 171).

(43) *Лицо, которое без требуемого разрешения или в нарушение его условий изготавливает, перерабатывает, накапливает, обладает, пользуется или торгует взрывчатым веществом или взрывным устройством...* (ФПП).

Другие предельные глаголы, которые обозначают действия, направленные на конечный предел, как *przetwarzać* ‘перерабатывать’, *przerabiać* ‘переделять’, *podrabiać* ‘подделывать’, в соседстве с глаголами *achievement* также получают однозначно событийную интерпретацию:

(44) *Kto <...> uszkadza, ukrywa, przerabia lub podrabia protokoły lub inne dokumenty wyborcze...* (ст. 248.3).

(45) *Лицо, которое повреждает, укрывает, переделяет или подделывает протоколы или другие избирательные документы* (ФПП).

(46) *Kto pieniądze, inny środek płatniczy lub dokument określony w § 1 puszcza w obieg albo go w takim celu przyjmuje, przechowuje, przewozi, przenosi, przesyła albo pomaga do jego zbycia lub ukrycia...* (ст. 310).

(47) *Лицо, которое пускает в обращение денежный знак, иное денежное средство или документ, указанный в § 1, или с такой целью его принимает, хранит, перевозит, передает, отправляет или помогает в его сбыте или укрывании...* (ФПП).

5. Итоги

Резюмируя наши рассуждения, скажем следующее: польские и русские кодексы имеют существенные различия в грамматическом оформлении. Чтобы это объяснить, необходимо указать несколько причин. Расхождения в юридических традициях оставим в стороне, им надо уделить внимание в отдельном юрислингвистическом анализе. Что касается грамматики, то юридические тексты как будто противоречат общим правилам сопоставительной грамматики польского и русского глагола.

Согласно этой характеристике, в польском языке гораздо больше отглагольных имен там, где в русском присутствуют личные формы глагола или инфинитивы

(напр., [Лазинский; Пчелинцева]). Исследование употребления глагольных форм в текстах законов показывает обратную пропорцию. Там, где в польских кодексах используется личная конструкция «кто делает X, подлежит наказанию Y», в русских отдается предпочтение отглагольным именам как названиям преступлений.

Второе выразительное различие касается вида. При наиболее общей характеристике грамматики вида указывается, что многократные действия обозначаются глаголом несовершенного вида в русском языке гораздо чаще, чем в польском, а в польском чаще, чем в чешском. Эти ареальные закономерности принято выводить из прототипической семантики целостности западнославянского вида и временной определенности восточнославянского вида. Однако польские законы, равно как и пословицы, формулируются с использованием форм несовершенного вида там, где в русском употребляется совершенный вид в наглядно-примерном или кратко-парном значении (если по-русски вместо личной формы использовано отглагольное имя, совершенный вид выражен формой зависимого причастия).

Указанные различия в формулировках законов слишком выразительны, чтобы при объяснении их причин сослаться только лишь на юридическую стилистику или загадочную случайность. Они побуждают к повторному внимательному анализу традиционной точки зрения на прототипические черты семантики вида в восточной, западной и промежуточной зонах славянского ареала.

Литература

- Бондарко 1971 — Бондарко А. В. *Вид и время русского глагола*. М.: Просвещение, 1971. 240 с.
- Бондарко 1996 — Бондарко А. В. *Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии*. СПб.: СПбГУ, 1996. 220 с.
- Лазинский 2016 — Лазинский М. «Функции инфинитива в польском и русском языках: корпусный анализ.» *Язык и метод*. Т. 3. Шумска, Д., Озга, К. (ред.). Краков: Ягеллонский ун-т, 2016. С. 159–170.
- Лазинский, Куратчик 2015 — Лазинский М., Куратчик М. «Польско-русский параллельный корпус Варшавского университета.» *Язык и метод*. Т. 3. Шумска, Д., Озга, К. (ред.). Краков: Ягеллонский ун-т, 2015. С. 85–94.
- Петрухина 2012 — Петрухина Е. В. *Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками*. М.: МГУ, 2012. 256 с.
- Пчелинцева 2013 — Пчелинцева Е. Э. «Аспектуальные признаки в русских, польских и украинских отглагольных именах.» *Dialog kultur: języki wschodniosłowiańskie w kontakcie z polszczyzną i innymi językami europejskimi*. Mędelska J., Titarenko E. (red.). Bydgoszcz: Wyd. UKW, 2013. С. 135–150.
- Dickey 2000 — Dickey S. M. *Parameters of Slavic Aspect: A cognitive Approach*. Stanford: CSLI, 2000. 316 p.
- Jóźwiak 2014 — Jóźwiak K. «Specyfika aspektu werbalnego w języku prawnym na przykładzie Kodeksu karnego z 1997 roku.» *Język współczesnego prawa: polityka a język*. Kondratczyk-Przybylska D., Niewiadomski A., Walewska E. (red.). Warszawa: Uniw. Warszawski, 2014. S. 179–201.

Для цитирования: Лазинский М. Вид глагола в русских и польских юридических текстах // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. Т. 14. Вып. 2. С. 199–209. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.205.

References

- Бондарко 1971 — Bondarko, A. V. *Vid i vremia russkogo glagola* [Time and aspect of the Russian verb]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1971. 240 p. (in Russian)
- Бондарко 1996 — Bondarko, A. V. *Problemy grammaticheskoi semantiki i russkoi aspektologii* [Problems of grammatical semantics and Russian aspectology]. St. Petersburg, St. Petersburg State Univ. Publ., 1996. 220 p. (in Russian)

- Лазинский 2016 — Lazinski, M. Funktsii infinitiva v pol'skom i ruskom iazykakh: korpusnyi analiz. In: Szumska, D., Ozga, K. (eds.). *Iazyk i metod* [Language and method]. Vol. 3. Krakow, Uniwersytetu Jagiellońskiego Publ., 2016, pp. 159–170. (in Russian)
- Лазинский, Куратчик 2015 — Lazinski, M., Kuratchik, M. Pol'sko-russkii parallel'nyi korpus Varshavskogo universiteta [Russian-Polish parallel corpus of Warsaw University]. In: Szumska, D., Ozga, K. (eds.). *Iazyk i metod* [Language and method]. Vol. 3. Krakow, Uniwersytetu Jagiellońskiego Publ., 2015, pp. 85–94. (in Russian)
- Петрухина 2012 — Petruhina, E. V. *Aspektual'nye kategorii glagola v ruskom iazyke v sopostavlenii s cheskim, slovatskim, pol'skim i bolgarskim iazykami* [Aspect categories of verbs in Russian in comparison with that of Czech, Slovak, Polish and Bulgarian languages]. Moscow, Moscow State Univ. Publ., 2012. 256 p. (in Russian)
- Пчелинцева 2013 — Pchelintseva, E. E. Aspektual'nye priznaki v russkikh, pol'skikh i ukrainskikh otgлагоl'nykh imenakh [Aspectual features in Russian, Polish and Ukrainian verbal nouns]. In: Medelska, J., Titarenko, E. (eds.). *Dialog kultur: języki wschodniosłowiańskie w kontakcie z polszczyzną i innymi językami europejskimi* [Dialogue of cultures: East Slavic languages in contact with Polish and other European languages]. Bydgoszcz, Wyd. UKW Publ., 2013, pp. 135–150. (in Russian)
- Dickey 2000 — Dickey, S. M. *Parameters of Slavic Aspect: A cognitive Approach*. Stanford, CSLI Publ., 2000. 316 p. (in English)
- Јóзвiак 2014 — Јóзвiак, K. Specyfika aspektu werbalnego w języku prawnym na przykładzie Kodeksu karnego z 1997 roku [Specificity of the speech aspect of the language of law (on the example of the criminal code 1997)]. In: Kondratczyk-Przybylska, D., Niewiadomski, A., Walewska, E. (eds.). *Język współczesnego prawa: polityka a język* [The language of the modern law: politics and language]. Warszawa, Uniwersytetu Warszawskiego Publ., 2014, pp. 179–201. (in Polish)

For citation: Łaziński M. Verbal Aspect in Russian and Polish Legal Texts. *Vestnik SPbSU. Language and Literature*, 2017, vol. 14, issue 2, pp. 199–209. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.205.

Статья поступила в редакцию 11 января 2015 г.
Статья рекомендована в печать 29 апреля 2016 г.